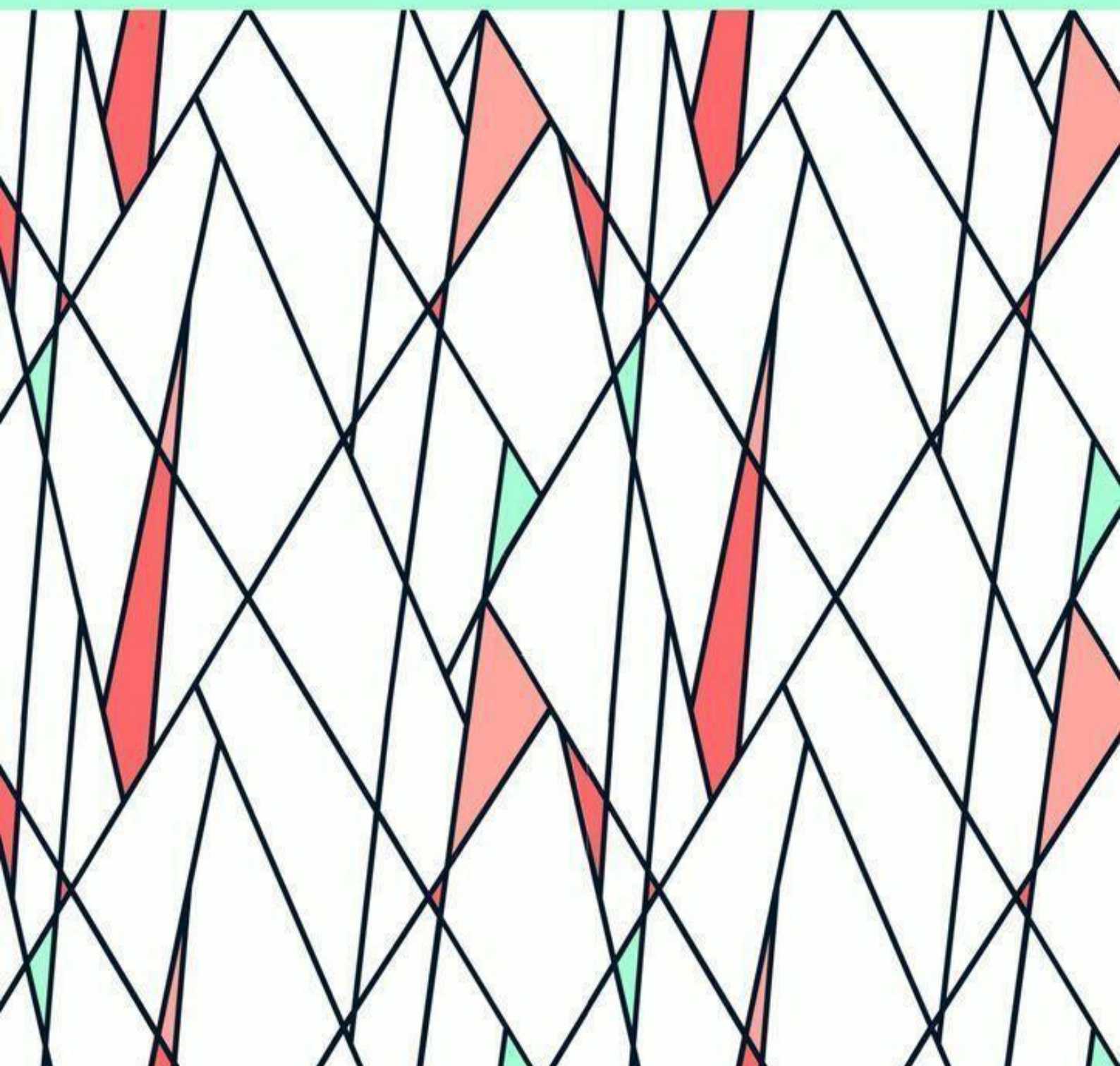

18+

Глеб Зайцев
*Закройщица. Зима 1980.
Попаданка в СССР*

Глеб Зайцев

**Закройщица. Зима 1980.
Попаданка в СССР**

«Издательские решения»

Зайцев Г.

Закройщица. Зима 1980. Попаданка в СССР / Г. Зайцев —
«Издательские решения»,

В 2026 году Марина была технологом по раскрою. В феврале 1980-го она просыпается в теле закройщицы третьего разряда и сразу находит способ экономить ткань без брака. Но на советской фабрике точного расчёта недостаточно: исчезают бирки, одну партию принимают дважды, а в её опечатанном шкафчике находят ткань со склада. Чтобы не стать удобной виноватой, Марине придётся провести границу между экономией, ошибкой и хищением.

© Зайцев Г.

© Издательские решения

Содержание

ПОПАДАНКА В СССР	6
Глава первая. Восемнадцать с половиной	7
Глава вторая. Тридцать сантиметров	9
Глава третья. Чужая норма	11
Глава четвёртая. Партия 714	14
Глава пятая. Две кассы	17
Глава шестая. Не изобрела	19
Глава седьмая. Четвёртый разряд	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Закройщица. Зима 1980. Попаданка в СССР

Глеб Зайцев

© Глеб Зайцев, 2026

ISBN 978-5-0071-4021-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**ПОПАДАНКА В СССР
ЗАКРОЙЩИЦА
Зима 1980
Глеб Зайцев**

Художественное произведение. Ярская фабрика, организации и персонажи вымышлены.

Глава первая. Восемнадцать с половиной

Нож шёл прямо на пальцы девушки.

Марина увидела сначала не девушку, а движение: тонкая ладонь в серой нитяной перчатке потянула край настила навстречу вертикальному лезвию. Лезвие уже гудело, тускло блестело над многослойной тканью и оставляло за собой ровный горячий срез.

Она ударила по красной кнопке раньше, чем поняла, где находится.

Мотор захлебнулся. Нож ещё раз дёрнулся по инерции и замер в двух пальцах от перчатки.

— Ты чего? — вскрикнула девушка.

— Руку убери.

Марина сказала это чужим звонким голосом. Девушка отёрнула ладонь, а тяжёлый настил, который они держали вдвоём, пополз со стола. Марина навалилась на него животом. Слои оказались скользкими, пружинистыми; нижние полотна тянули за собой верхние. В плечах не хватило привычной силы. На помощь пришла женщина с сантиметровой лентой на шее, подхватила край и резким движением вернула ткань на стол.

— Обе от машины отошли, — приказала она. — Вера, кто тебя учил настил заправлять при включённом ноже? Марина, сядь. Ты белая, как бязь.

Только отойдя к окну, Марина почувствовала запах: тканевая пыль, машинное масло, влажное тепло уютного цеха. За стеной били иглы, посвистывал пар, катились тележки. Она знала этот воздух пятнадцать лет и не вдыхала его уже несколько месяцев — с тех пор как новое производство перевело раскрой на автоматический комплекс с вытяжкой.

Но там был 2026 год.

Здесь вдоль стены висели деревянные лекала, у ножа лежал мел, а на доске показателей было выведено: «План января 1980 года — 101,3 процента».

Марина опустила взгляд. Руки были её и не её: короткие ногти, ни шрама от утюга на левом запястье, ни следа от кольца. Халат сидел свободнее, чем должен был. В кармане нашлись ключ на жестяном ромбике с цифрами 204, пропуск и комсомольский билет на имя Марины Сергеевны Долгих, 1956 года рождения.

Тридцатисемилетняя технолог по раскрою сидела в теле двадцатитрёхлетней закройщицы и слышала, как остановленный ею мотор тихо щёлкает, остывая.

— Какой сегодня день? — спросила она женщину с сантиметром.

Та приложила ладонь к её лбу.

— Четвёртое февраля. Понедельник. Ты вчера в общежитии чего пила?

— Ничего.

— Тогда в медпункт.

Марина отказалась слишком поспешно и сразу поняла, что этим только усилила подозрение. Пришлось согласиться на крепкий чай в мастерской и десять минут под присмотром. Женщину звали Галина Петровна Горшкова; это имя всплыло в памяти вместе со знанием, где стоит её кружка и кто из работниц боится ножа. Память молодой Марины была похожа на ящики без этикеток: иногда нужный открывался от случайного слова, иногда не открывался вовсе.

Через полчаса она вернулась к столу. Галина Петровна не пустила её к машине, велела с Верой сверять контуры и снимать срезанные пачки. Работа быстро показала разницу между знанием и телом. Марина видела, как надо удерживать лезвие на внутреннем радиусе, но эти пальцы не накопили пятнадцати лет точных движений. Она не стала изображать мастерство. Подавала детали, выравнивала пачки, затягивала тесьму вокруг комплектов и следила, чтобы на бирке не перепутали размер.

К обеду стало ясно, что фабрика шьёт женские платья, блузки и рабочие халаты. Экспериментальным цех назывался не потому, что здесь каждый день изобретали новое, а потому, что сюда попадали опытные образцы и первые настилы моделей перед запуском в поток. Третий разряд молодой Долгих получил полгода назад. До четвёртого оставались экзамен и умение вести сложный раскрой без мастера.

В столовой Вера уже рассказывала про нож.

— Я ткань придерживала, а она как стукнет по кнопке!

— И правильно стукнула, — сказала Галина Петровна. — Перчатку бы сейчас из-под лезвия доставали.

Марина ковыряла вилкой перловку и слушала чужие разговоры: у кого заболел ребёнок, кому дали сапоги по записи, сколько смен осталось до квартальной премии. За окном столовой дети в ватных штанах шли парами к низкому зданию у проходной. На фронтоне висела синяя вывеска фабричного детского сада.

Своего прошлого — мужа, квартиры, последнего утра — Марина коснулась мысленно и тут же отступила. Если начать сейчас, она не встанет из-за стола. Пока у неё были смена, молодое тело и нож, который мог включиться снова.

После обеда кроили модель 4271. На технологической карте значилось: платье из гладкокрашенной ткани шириной сто сорок сантиметров, комплект размеров, расход по действующей раскладке — два метра сорок сантиметров на изделие. Рядом был указан процент межлекальных выпадов: восемнадцать с половиной.

Марина несколько раз прошла вдоль стола. Полочка и спинка лежали широко, между их боковыми линиями оставался клин пустого полотна. Рукава начинались дальше, а обтачки, пояс и воротник были собраны в длинный хвост. В современном цехе программа попробовала бы тысячи размещений. Здесь однажды обведённая схема становилась законом на годы.

Она не стала хватать мел и переставлять лекала при всех. Сначала проверила направление долевой нити, припуски и парность деталей. Ткань была без ворса и рисунка, но у отдельных полотен встречались отмеченные ниткой дефекты — их тоже следовало обходить. Простая перестановка рукавов, которую она увидела с первого взгляда, на реальном настиле съедала часть выигрыша.

— Галина Петровна, можно вечером снять копию раскладки? — спросила Марина.

— Для чего?

— Хочу проверить перед четвёртым разрядом.

Мастер посмотрела на неё внимательнее, чем утром, но достала рулон кальки.

Когда смена закончилась и гул машин за стеной оборвался, Марина прикрепила кальку к схеме кнопками. Она обвела детали, отметила долевую, зазоры, ширину кромки и места дефектов. Потом на втором листе стала двигать бумажные копии.

Два одинаковых комплекта упрямо оставляли пустоты. Тогда она совместила сорок четвёртый и сорок шестой размеры. Иная кривизна боковых линий позволила вложить рукав глубже; мелкие детали ушли между крупными. На бумаге длина сокращалась почти до двух метров десяти.

Марина записала рядом две цифры: «2,40» и «2,10».

Потом жирно подчеркнула вторую и добавила: «гипотеза».

Тридцать сантиметров были слишком красивым ответом. До доказательства предстояло узнать, какие размеры фабрика действительно ставит в один настил, как сортируют пачки и сколько выигрыша переживёт ткань, нож и человеческие руки.

Но восемнадцать с половиной процентов пустоты на столе были настоящими. Марина провела по кальке кончиком пальца и впервые за этот невозможный день почувствовала не страх, а знакомое рабочее упрямство.

Глава вторая. Тридцать сантиметров

Во вторник утром Марина попросила не журналы, а ткань.

Галина Петровна выдала ей два рулона остатков: гладкий штапель шириной сто сорок сантиметров и узкую хлопчатобумажную ткань с мелким печатным рисунком. На пустом конце раскройного стола Марина разложила бумажные копии лекал модели 4271 и прижала их железными шайбами.

— Экзамен решила устроить? — спросила Вера.

— Себе.

На широком полотне сочетание сорок четвёртого и сорок шестого размеров складывалось почти так, как ночью на кальке. На узком рукава уже не входили в клин между полочкой и спинкой. Когда Марина повернула один из них, Галина Петровна молча перевернула лекало обратно.

— Долевая, — сказала мастер.

— Вижу.

Марина увидела только после подсказки. В прежней жизни такие ошибки подсвечивала программа, а здесь короткая риска на лекале была единственной защитой от детали, которая перекосится после первой стирки. Она вернула рукав и записала: «узкая ширина — выигрыша нет».

Следующая проверка оказалась хуже. На ткани с направленным рисунком детали нельзя было разворачивать навстречу друг другу: цветы на одном рукаве смотрели бы к плечу, на другом — к манжете. Из красивых тридцати сантиметров осталось четыре.

Марина не огорчилась. Плохой результат, полученный вовремя, сэкономил намного больше ткани, чем удачный расчёт на бумаге.

Она договорилась с Галиной Петровной брать по одной действующей раскладке во время обеда и возвращать до конца смены. За три дня проверила девять моделей, но уже не пыталась назвать одну среднюю цифру для всего цеха. Она завела таблицу: модель, ткань, ширина, размерный ряд, длина стола, действующая длина, расчётная длина, ограничения.

Модель 4271 на гладкокрашеной ткани оставалась лучшей. При сочетании размеров 44 и 46 бумага показывала около двух метров десяти на изделие, но эта цифра не учитывала дефекты рулона, технологические зазоры и потери при настилении. На двух других платьях выходило семь и девять сантиметров. На блузке с мелким ненаправленным рисунком — пять. Халат из узкой ткани не дал ничего.

Две модели пришлось пометить красным крестом. Одна шилась из ворсового материала, где все детали обязаны смотреть в одну сторону. Другая имела крупную клетку: совмещение рисунка съедало весь резерв и ещё требовало запаса.

— А вчера у тебя тридцать было, — заметила Вера, заглянув через плечо.

— Вчера была картинка. Сегодня ткань.

— Значит, не получилось?

— Значит, получилось узнать, где не получится.

Вера фыркнула, но вечером принесла раскладку платья, которое их бригада ненавидела за узкий пояс.

— Вот это посмотри. Хвост каждый раз остаётся, а потом нас ругают.

Хвост действительно оставался — полоса длиной больше метра и шириной в ладонь. На изделие её не хватало, годным мерным остатком она не считалась, а в весовой лоскут уходила исправно. Марина переставила пояс вдоль кромки и получила не экономию длины, а широкий прямоугольный остаток, из которого можно было выкроить детскую наволочку.

Это было другое улучшение: расход основной модели почти не менялся, зато отход становился пригодным для отдельного изделия. Она внесла его в таблицу отдельной строкой.

В пятницу Марина отправилась в плановый отдел. Просто спросить годовой выпуск ей бы не дали, поэтому она взяла у Галины Петровны сменное задание и сказала, что сверяет размерные ряды. Молодую закройщицу посадили у края стола и выдали папку, не прекращая разговора о февральском плане.

Марина листала документы медленно. Фабрика действительно планировала около ста восьмидесяти тысяч изделий за год, но это число ничего не говорило без ассортимента. Платье 4271 занимало лишь часть программы. Ткани приходили разной ширины и назначения, а размеры запускали не равными долями: ходовые сорок шестой и сорок восьмой встречались чаще крайних.

Старый расчёт «сто восемьдесят тысяч умножить на тридцать сантиметров» рассыпался, не успев родиться. Даже если опыт подтвердит весь выигрыш на модели 4271, переносить его на халат, клетчатое платье или ворсовую юбку было нельзя.

Зато в папке нашлось кое-что важнее большой цифры. Размерные задания на ближайшие три недели позволяли составить два настоящих соседних ряда: 44+46 и 46+48. Можно было проверить не учебную пару, а ту, которую фабрика всё равно собиралась кроить.

Марина переписала номера заданий и вернула папку.

В пятницу после смены Галина Петровна разрешила ей собрать пробную бумажную раскладку в натуральную величину. Они с Верой сняли со стеллажа лекала двух размеров. Дерево было тяжёлым; крупные детали приходилось переносить обеими руками. Марина укладывала их на бумажную полосу, обводила, снимала, снова двигала на два пальца. Через час заболела поясница, ещё через полчаса пальцы стали серыми от мела.

При реальных зазорах два метра десять не удержались. Затем пришлось обойти условный дефект, отмеченный Галиной Петровной крестом, и дать запас у кромки. Итоговая длина на изделие выросла до двух метров двадцати шести сантиметров.

Вместо тридцати оставалось четырнадцать.

— Уже не шесть с половиной тысяч платьев, — сказала Вера.

Марина посмотрела на неё.

— Откуда ты знаешь про шесть с половиной?

— Ты вслух считала в понедельник.

Значит, в первый день она всё-таки успела выдать красивую цифру за результат. Марина зачеркнула в тетради прежнюю оценку и написала крупно: «Только после опытного настила».

Галина Петровна проверила направление деталей и измерила полосу своим сантиметром.

— Четырнадцать на платье тоже ткань, — сказала она. — Но у тебя тут два размера вперемешку. Кто потом рукава разбирать будет?

Марина оглядела деревянные лекала. До этого момента она считала только полотно. Теперь перед ней лежали сорок деталей двух размеров, которые после ножа превратятся в одинаковые серые пачки.

— Тот, кому я не дам их перепутать, — ответила она, ещё не зная как.

Мастер покачала головой.

— Сначала придумай как. Потом считай сантиметры.

Марина свернула бумажную полосу. Тридцать сантиметров превратились в четырнадцать, девять моделей — в несколько подходящих сочетаний, а простая перестановка лекал — в новую работу для всего раскройного.

Впервые расчёт стал похож не на чудо, а на производственную задачу.

Глава третья. Чужая норма

В понедельник, 11 февраля, Галина Петровна велела Марине собрать кальки и идти к главному инженеру.

— Я ничего ей не говорила, — предупредила мастер. — Она сама спросила, почему экспериментальный цех по вечерам светится.

Кабинет Аллы Борисовны Веретенниковой находился над проходной. Поднимаясь по лестнице, Марина чувствовала, как тубус с раскладками бьёт её по колену. На третьем пролёте пришлось перехватить деревянные лекала; их она взяла намеренно, чтобы разговор не превратился в состязание цифр на бумаге.

Главный инженер встретила её не одна. У окна стоял Пётр Иванович Рожков, директор фабрики, и курил в приоткрытую форточку. Марина знала его только по фотографии на доске почёта.

— Показывай, — сказала Веретенникова вместо приветствия.

Марина развернула на длинном столе две кальки. Первая повторяла действующую раскладку модели 4271. На второй сочетались размеры 44 и 46.

— Норма — два сорок, — сказала она. — На бумаге сначала вышло два десять. Когда добавила реальные зазоры, кромку и условный дефект, стало два двадцать шесть. Это всё ещё расчёт. Без настила я не называю результатом ни одну цифру.

Рожков выпустил дым в форточку.

— А зачем тогда пришла?

— Чтобы попросить разрешение на опытный настил и получить размерные задания.

Веретенникова взяла деревянный рукав сорок шестого размера и положила поверх кальки. Проверила риску долевой нити, потом сдвинула лекало на полсантиметра.

— Уже два двадцать семь, — заметила она.

— Да.

— И сколько моделей ты так проверила?

— Девять. На двух метод применять нельзя. На трёх выигрыш пока меньше пяти сантиметров. Лучший расчёт — здесь.

Главный инженер перелистнула таблицу. Марина ожидала вопроса о годовой экономии, но Веретенникова спросила другое:

— Как будешь сортировать крой?

— Пока не решила. Галина Петровна остановила меня на этом же месте.

Рожков затушил сигарету.

— Значит, ничего не решила.

— Значит, не решила одну из операций. Если она окажется дороже ткани или даст пересортицу, предложение не годится.

Директор посмотрел на Веретенникову, словно предлагал ей самой разбираться с дерзкой закройщицей, и вышел. Дверь закрылась мягко, но Марина услышала, как в приёмной он потребовал чай.

Алла Борисовна сняла очки.

— Теперь без директора. Откуда у тебя эта привычка — сначала писать ограничения?

— От ошибок.

Это было правдой и не объясняло ничего. Современную биографию — пятнадцать лет в швейном производстве, шесть из них в оптимизации раскладок — Марина не могла предъявить вместо удостоверения третьего разряда.

Веретенникова снова надела очки.

— Хорошо. Допустим, настил подтвердит десять сантиметров. Что ты предлагаешь делать дальше?

— Пересмотреть рабочую раскладку для подходящих партий.

— А норму?

— Если фактический расход устойчиво ниже, норму тоже придётся пересматривать.

— Придётся, — сказала главный инженер. — Только не так, как ты, наверное, себе придумала.

Она открыла шкаф и достала толстую папку. В ней лежали карты расхода, утверждённые по моделям и видам материала, письма технологического отдела, выписки из отраслевых указаний.

— Норму конкретного платья не министр подписывает, — сказала Веретенникова. — Мы рассчитываем её здесь на основании действующих методик и утверждаем установленным порядком. Потом по нормам, программе и заявкам складывается потребность фабрики. Это не кран: показала пять процентов — завтра тебе ровно пять процентов перекрыли. Но хорошие устойчивые данные становятся основанием спросить, почему заявка прежняя.

Марина провела пальцем по потёртому корешку карты 4271.

— Вы боитесь, что фонд пересмотрят.

— Я боюсь заявить меньшую потребность, а потом получить ткань другой ширины, два рулона с пороком и недопоставку третьего, — ответила Веретенникова. — План в штуках никто из-за этого не уменьшит. Работницы будут стоять, а отвечать буду я. Экономия на одном гладком полотне не заменяет страховой запас для всей программы.

В её голосе не было желания спрятать плохую работу. Было знание системы, которая считала изделие целым, даже если сырьё приходило кусками.

— Тогда зачем вообще улучшать раскладку? — спросила Марина.

— Затем, что лишней ткани у нас нет. Есть ткань, которую можно превратить в другую продукцию, закрыть срыв поставки или потерять в отходах. Разница определяется не твоей красивой средней цифрой, а учётом.

Веретенникова подвинула к ней ведомость за январь. В одной колонке стояли метры, переданные в настил, в другой — килограммы лоскута, возвращённого из раскройного. Прямого перехода между ними не было.

— Это разные единицы, — сказала Марина.

— И разные люди. Склад выдаёт метры. Раскройный сдаёт часть остатка метрами, часть весом. Участок номер шесть получает и то и другое. Готовые изделия считает штуками. Если хочешь знать, что происходит, одной раскладки мало.

Марина вспомнила длинный узкий хвост ткани, который можно было превратить в прямоугольник для наволочки. В одной ведомости он был бы метром, в другой — долей килограмма, в третьей — одной вещью.

— Дайте мне пройти одну партию от приёмки до участка, — сказала она.

Главный инженер откинулась на спинку стула.

— Ты закройщица, не ревизор.

— Поэтому я не буду проверять деньги и подписи. Только материал: ширина, метры, настил, годный остаток, весовой лоскут. То, что умею отличить руками.

Веретенникова постучала карандашом по столу. Затем написала на обороте календарного листка несколько слов, поставила дату и подпись.

— Завтра приходит партия семьсот четырнадцать, гладкокрашенная ткань для платьев. Покажешь записку складу и раскройному. Ничего не забираешь, оригиналы документов не трогаешь. Все измерения делаешь при кладовщице или мастере.

Марина взяла листок.

— А если ничего не найду?

— Тогда узнаешь, как работает фабрика, — сказала Веретенникова. — Для третьего разряда тоже неплохо.

У двери Марина задержалась.

— Алла Борисовна, вы знаете, куда уходят хорошие остатки?

— Знаю, куда они должны уходить. На участок номер шесть по внутренней накладной.

— А сколько?

— Вот это я хочу услышать от тебя. Не оценку на глаз, а путь одной партии.

Во дворе уже разгружали пустые деревянные поддоны. Снег у складских ворот был утоптан до чёрного льда. Марина спрятала подписанный листок во внутренний карман халата.

Чужая норма перестала быть главным противником. Между нормой и готовой вещью тянулась цепочка рук, весов и бумаг, и завтра ей предстояло пройти её с самого начала.

Глава четвёртая. Партия 714

Машина с тканью пришла во вторник после обеда.

Грузовик задним ходом подался к складским воротам, буксуя на ледяной каше. Из кузова потянуло морозом и сырой мешковиной. Марина стояла рядом с кладовщицей Любовью Антоновной и держала разрешение Веретенниковой в рукавице, чтобы ветер не вырвал листок.

Партия 714 состояла из восьми рулонов гладкокрашеной ткани шириной сто сорок сантиметров. На каждом висел ярлык изготовителя: номер, сорт, заявленная длина. Складской рабочий подкатывал рулон к платформенным весам, Любовь Антоновна сверяла ярлык с сопроводительным документом, а Марина переписывала данные в тетрадь.

— Шестьсот двенадцать метров по бумаге, — сказала кладовщица, сложив цифры на счётах. — Будешь каждый разворачивать?

— А вы разворачиваете?

— При полной приёмке — выборочно. Тут пломбы целые, поставщик постоянный. Ширину проверим, видимые пороки отметим, длину принимаем по ярлыкам. Если при настиле вылезет недомер, составим акт.

Это был первый разрыв между физической тканью и цифрой, но вполне законный и объяснимый. Ни один склад не мог раскатывать шестьсот метров по снегу ради арифметического спокойствия.

Рулон 714/3 весил столько, что двое мужчин едва сняли его с тележки. На ярлыке значилось 76,4 метра. Марина приложила линейку к полотну: ширина совпала. У кромки белела нить, которой на фабрике-изготовителе отметили порок.

Любовь Антоновна записала рулон в приходную книгу. Потом оформила выдачу в раскройный — не всю партию, а первые три рулона под сменное задание модели 4271. В документе снова появились метры и номера.

До цеха ткань повезли на низкой тележке. Одно колесо заедало и оставляло на полу чёрную дугу. Механик в промасленной куртке присел возле оси, выбил застрявшую нитку отвёрткой и поднял тележку за раму.

— Теперь не тащи боком, — сказал он рабочему. — Вся нагрузка на одну втулку идёт.

Увидев Марину с тетрадью, он кивнул.

— Проверка?

— Учусь считать то, что режу.

— Тогда запиши: Илья Нестеров, механик, тележку спас без списания запчастей.

Он улыбнулся краем рта и ушёл к настилочной машине. Марина внесла в тетрадь только номер рулона.

Первые сорок восемь метров ткани с 714/3 ушли в настил из двадцати полотен по действующей раскладке. Любовь Антоновна отметила выданное количество по заданию, Галина Петровна — принятое в цех. Марина следила, как рулон разматывается над столом. На каждом проходе настильщица обходила отмеченный порок: вырезала повреждённый участок, стыковала полотно и делала мелом знак для раскройщицы.

После ножа на столе осталось три вида материала.

Первый — детали платья, стянутые в пачки по наименованию и размеру. Их унесли к комплектовке.

Второй — фигурные межлекальные выпады: узкие луны у пройм, клинья между боковыми линиями, полосы кромки. Их сгребли в корзину и позднее взвесили.

Третий — прямые куски. Некоторые появились у стыков полотен и вокруг дефектов; самый длинный был почти во всю ширину и доходил Марине выше пояса, когда она подняла его за край.

— Это куда? — спросила она.

— К годному остатку, если метр есть, — сказала Галина Петровна. — Меньше — в лоскут.

Марина измерила кусок: метр восемьдесят два. На нём не было ни дыры, ни масляного пятна. Из такого можно было выкроить фартук, наволочку или несколько детских деталей.

Она положила его на отдельную скамью. К концу смены там собрались ещё четыре прямых отреза. Галина Петровна ушла принимать крой, а подсобная работница свалила все пять в ту же корзину, где лежали дугообразные выпады.

— Эти отдельно, — остановила её Марина. — Они мерные.

— На шестой всё равно вместе увезут.

— В документе как запишут?

— Как лоскут.

Подсобница пожала плечами и потащила корзину к весам. Марина пошла следом.

Весы стояли в углу на неровном полу. Стрелка без груза не доходила до нуля на одно деление. Илья, оказавшийся рядом с ящиком инструмента, увидел, куда смотрит Марина, подложил под ножку тонкую металлическую пластину и проверил площадку гирей.

— Пол не весы, — сказал он. — Его не отрегулируешь.

— Теперь можно верить?

— В пределах деления. Для золота ищи другое место.

Корзина с фигурными выпадами и пятью хорошими отрезами дала общий вес. Запись сделали одной строкой: «лоскут и отходы раскроя», килограммы, партия 714, модель 4271. Длину прямых кусков никто не указал. Никакого исчезновения не произошло: материал лежал на весах перед четырьмя людьми, цифра попала в ведомость, получатель должен был расписаться.

Но метр восемьдесят два годной ткани перестал быть метром. Он стал долей общего веса дешёвого лоскута.

Марина попросила снова вынуть прямые куски и измерила каждый при Галине Петровне. Мастер ворчала из-за задержки, однако держала конец сантиметра. Получилось шесть метров сорок семь сантиметров. Марина записала длины рядом с весовой строкой в своей тетради и попросила мастера поставить инициалы.

— Ты из-за шести метров весь день по складам ходила? — спросила та.

— Из-за того, что через час никто не сможет доказать, были это шесть метров или горсть обрезков.

Тележку отвезли в пристройку за котельной. На двери висела табличка «Участок №6». Роза Каримовна Сафарова пересчитала корзины, сверила общий вес и подписала внутреннюю накладную. Прямые куски женщины тут же вынули и разложили по столу: широкий — на фартуки, два узких — на рукавицы, остальные к детским изделиям.

— Хороший сегодня лоскут, — сказала одна из швей.

Роза Каримовна быстро посмотрела на Марину.

— У вас бумага от Аллы Борисовны есть?

Марина показала разрешение.

— Тогда смотрите. Только работе не мешайте.

На участке никто не прятал ткань. Машины стояли открыто, на стене висел план, готовые фартуки были связаны десятками и снабжены ярлыками. Всё выглядело официальным.

Марина вернулась в раскройный после гудка. Рулон 714/3 лежал на стеллаже с новым мелованным остатком длины. Его путь пока сходилась: пришёл метрами, выдан метрами, часть превратилась в детали, часть — в весовой лоскут.

Проблема была не в пропавшей ткани. Проблема была в названии.

Годный отрез не исчезал между двумя дверями. Его клали на весы, вписывали в документ и там превращали в отход.

Глава пятая. Две кассы

На участок номер шесть Марина вернулась в среду с утра, когда там принимали готовую продукцию.

У двери стояли два одинаковых штабеля фартуков. Левый был связан шпагатом, на каждой десятке висел картонный ярлык с номером партии и фамилией швеи. Правый лежал россыпью на длинной лавке. Если снять ярлыки, отличить один фартук от другого было невозможно.

Роза Каримовна Сафарова проверяла строчки и складывала изделия угол к углу. Рядом кладовщица готовой продукции ставила галочки в приёмной ведомости.

— Эти сто восемьдесят принимаем, — сказала Сафарова, указав на левый штабель. — Те после обеда. На двух петли переделать, остальные ещё не оформлены.

Марина поставила табурет у стены и раскрыла тетрадь. Разрешение Веретенниковой лежало на виду. Она не задавала вопросов, пока швеи носили десятки к столу, кладовщица пересчитывала их и прикладывала пломбу к связкам. Принятые фартуки повезли не в город и не в магазин, а на фабричный склад. Там они должны были получить ещё один документ перед отгрузкой торговой организации.

Правый штабель остался на лавке. После обеда две швеи распоролли кривые петли, остальные изделия получили ярлыки, и граница между двумя кучами переместилась.

Неучтённое и ещё не учтённое выглядели одинаково. Разницу создавала не ткань, а момент подписи.

Марина подошла к полке с сырьём. Куски из партии 714 уже рассортировали: широкие прямоугольники лежали отдельно, узкие полосы — отдельно, фигурные выпадывали в мешок. На полке стоял вчерашний вес, а под ним — одна строка во внутренней накладной.

— Роза Каримовна, вы получаете всё килограммами?

— Что раскройный сдаёт, то и получаем. Бывает метрами, бывает весом.

— А выпуск — штуками.

— Фартук в килограммах покупателю не нужен.

Марина попросила дать ей старую накладную и задание на одну уже закрытую партию. Сафарова нахмурилась, но принесла папку. За январь участок получил мерные остатки по нескольким строкам и весовой лоскут по нескольким десяткам строк. Выпустил пелёнки, чепчики, фартуки, рукавицы и хозяйственные сумки. Всё было посчитано, однако сложить вход с выходом напрямую было нельзя.

Килограмм ситца давал одну площадь, килограмм тяжёлой плательной ткани — другую. Ширина менялась. У пелёнки был простой прямоугольник, у чепчика — детали с выпадками. Часть лоскута уходила на обтирку и прокладки. Любая попытка перевести итоговые килограммы в метры одним коэффициентом создала бы удобную, но ложную цифру.

Марина взяла тот самый отрез длиной метр восемьдесят два, положила на весы отдельно и переписала массу. Затем так же измерила и взвесила три фигурных куса из той же ткани. Это не давало нормы на весь участок, зато показывало разницу внутри одной партии: полный по ширине отрез имел известную длину и назначение; россыпь между лекалами — только вес и ограниченное применение.

— Зачем тебе это? — спросила Сафарова.

— Чтобы годное не смешивалось с тем, из чего годную деталь уже не выкроить.

— Здесь мы всё равно рассортируем.

— Здесь — да. А в бумаге они уже одно и то же.

Роза Каримовна забрала накладную и провела ногтем по общей весовой строке.

— Бумага ткань не режет.

— Зато решает, сколько её было.

Одна из машин застучала вхолостую. Швея подняла лапку, выдернула оборванную нитку и позвала наладчика. Пока тот менял иглу, две другие женщины продолжали работу. Участок не был тайной мастерской: двенадцать рабочих мест, утверждённое задание, табель на стене, приёмка складом. Детские вещи и фартуки действительно были нужны — не как прикрытие, а как продукция.

В обед пришла молодая швея с девочкой лет четырёх. Ребёнок сел у батареи и принялся застёгивать пуговицы на образце халата.

— Сад закрыли на санитарный день, — объяснила мать. — Роза Каримовна разрешила до конца смены здесь посидеть.

— У проходной который? — спросила Марина.

— Наш фабричный. Если бы не он, половина второго потока дома бы сидела.

Позднее Марина спросила Сафарову, за счёт чего содержится сад. Та посмотрела так, будто вопрос был ловушкой.

— За счёт фабрики и того, что ей положено, — ответила она. — Бюджет, план, фонды, решения директора — это не моя касса. Не рисуй стрелку от этого фартука к детской тарелке каши. Я её подписать не смогу.

— Но участок важен для фабрики.

— Двенадцать рабочих мест. Нужный людям товар. Выполнение плана товаров народного потребления. Общий результат предприятия. Этого мало?

— Не мало.

— Тогда не делай из нас воров только потому, что раскройный плохо называет остатки.

Марина закрыла тетрадь. Сафарова была права в одном: ликвидировать участок ради чистой таблицы означало наказать людей, которые ничего не прятали. Но на лавке снова появились две кучки одинаковых чепчиков. На одной лежала оформленная ведомость, на другой — пустой лист.

Ближе к концу смены в пристройку вошёл Сергей Павлович Кожемякин, начальник снабжения. Марина знала его по табличке на кабинете. Он не подошёл к машинам, только просмотрел две накладные у Сафаровой и указал на мешок у задней двери.

— Этот завтра с тарой, — сказал он.

— Там ветошь, — ответила Роза Каримовна.

— Вижу.

Кожемякин заметил Марину, задержал на ней взгляд и ушёл. Сафарова перенесла мешок от двери под стол. Ни тайной передачи, ни денег Марина не увидела. Только начальник снабжения почему-то распорядился тем, что уже было передано участку как отход.

Вечером Марина свела наблюдения на одном листе. Официальная цепочка существовала: внутреннее поступление, производство, приёмка готовых изделий, склад, торг. Рядом могла существовать другая, используя те же машины и те же вещи, но без ярлыка её нельзя было отличить от незавершённой операции.

Она написала три правила для будущего предложения.

Первое: годный мерный остаток учитывать отдельно от весового лоскута.

Второе: не лишать участок законного сырья и работы.

Третье: не обещать детскому саду деньги, путь которых она не может доказать.

Решение уже не выглядело таким, где никто ничего не теряет. Видимый материал заставил бы каждого назвать, что именно он защищает. И у фабрики, похоже, было две кассы: одна в документах, другая пока только в возможности переписать название ткани до того, как на ней появится подпись.

Глава шестая. Не изобрела

Технический кабинет оказался комнатой без отопления, заставленной шкафами с чертежами.

Марина пришла туда в понедельник, 18 февраля, после смены. Библиотечный журнал лежал на столе, но половина изданий стояла за дверцей, которая перекосилась и не открывалась. Она тянула за ручку, пока из коридора не заглянул Илья Нестеров.

— Если ещё сильнее, шкаф победит вместе с петлями.

Он снял рукавицы, приподнял дверцу снизу и повернул ручку. Замок щёлкнул.

— Дерево разбухло, — сказал Илья. — Завтра рубанком сниму край.

— Мне сегодня надо.

— Тогда сегодня не закрывай.

Внутри пахло пылью и типографской краской. На полках стояли подшивки отраслевых журналов, заводские инструкции к машинам, методические разработки и папки с рационализаторскими предложениями. Марина зажгла вторую лампу и начала читать описи.

Она искала не формулировку для начальства, а границу собственного знания. В 2026 году многокомплектные раскладки были обычным инструментом программы: задаёшь размерный ассортимент, ширину, направление ворса, допустимые повороты деталей — и алгоритм ищет сочетание. Но если в 1980-м эта практика уже существовала, выдавать её за озарение молодой закройщицы было и нечестно, и опасно. Любой технолог из управления мог открыть тот же источник.

Нужная тонкая брошюра нашлась в нижнем шкафу. На обложке стояло: «Подготовительно-раскройное производство», 1977 год. Марина перелистывала страницы осторожно: бумага у скоб крошилась. Там рассматривались подготовка материалов, построение раскладок, сочетание комплектов и работа с размерными рядами. Термины отличались от тех, которыми она пользовалась про себя, но смысл был знакомым. В одной схеме соседние размеры размещались совместно, чтобы плотнее использовать площадь материала.

Марина выписала название и год, не копируя форму документа. Рядом положила номер журнала со статьёй о снижении межлекальных выпадов. Ни в одном источнике не было готовой раскладки модели 4271, ярской программы размеров или способа вести именно их остатки. Зато было главное доказательство: сам принцип не прибыл вместе с ней из будущего.

Она испытала облегчение.

— Нашла клад? — спросил Илья. Он вернулся с рубанком и теперь снимал со шкафа тонкую стружку.

— Нашла, что ничего не придумала.

— Обычно от этого расстраиваются.

— Обычно люди хотят первенство. Мне нужна работающая технология.

Илья провёл ладонью по кромке дверцы, закрыл её и снова открыл.

— Значит, осталось приспособить чужую к своему шкафу.

Марина посмотрела на ровную светлую полосу древесины. Он сказал о дверце, но фраза годилась и для раскроя.

Следующие два вечера она провела не за повторным чтением, а у бумажной полосы в экспериментальном цехе. Теперь в верхней строке таблицы стояло: «Известная многокомплектная раскладка; местная адаптация». Ниже — модели, фактические ширины поступающих тканей и размерные задания февраля.

Она выбрала четыре сочетания для проверки. Модель 4271, гладкокрашенная ткань шириной 140 сантиметров, размеры 44+46. Другое платье из такой же ширины, 46+48. Блузка без

направленного рисунка. Рабочий халат — как отрицательный пример: узкая ткань не позволяла разместить второй комплект.

Для каждой Марина оставила место под фактический результат. Она больше не писала «экономия пятнадцать тысяч метров». Годовой эффект зависел от ассортимента, который ещё не был известен на второе полугодие, от доли подходящих тканей и от того, сколько ошибок добавит сортировка.

Галина Петровна принесла со швейного потока пачку возвращённых деталей. На ярлыке значился сорок шестой размер, внутри лежала одна обтачка сорок четвёртого.

— Это без твоих сочетаний, — сказала мастер. — А теперь представь, что будет, когда ты сама два размера на один стол положишь.

Марина разложила детали. По контуру обтачки почти не различались. Мел на верхнем слое не помог бы нижним, а бумажная прокладка между слоями разделяла высоту настила, но не детали разных размеров, лежащие рядом.

Она изменила схему работы. Каждый комплект лекал получал крупную условную метку. После резки пачки снимались со стола не все сразу, а по зонам; к каждой до перемещения крепился картонный талон с моделью, размером и количеством слоёв. Смежные размеры связывались разным способом: одинарный узел и двойной. Цвет был только дополнительным признаком — в пыльном цехе синий мел легко становился серым.

Вера попробовала разобрать учебную смесь из сорока деталей. Первый раз потратила двенадцать минут и перепутала два пояса. После того как Марина нарисовала на кальке порядок снятия пачек, время сократилось до семи минут, ошибок не было.

— Семь минут тоже время, — сказала Вера.

— Запишем семь. Если ткань экономится на три рубля, а сортировка стоит четыре, внедрять нельзя.

Галина Петровна одобрительно хмыкнула.

В четверг Марина отнесла материалы Веретенниковой. Главный инженер прочла ссылку на разработку 1977 года, затем долго рассматривала четыре местные схемы.

— И как это называть? — спросила она.

— Не новым способом раскладки. Применение известного многокомплектного способа к нашему ассортименту. Плюс порядок разделения кроя и отдельный учёт годных остатков.

— Последний пункт к экономии ткани отношения не имеет.

— Имеет к тому, увидим ли мы её после ножа.

Веретенникова достала из шкафа бланк заявления на рационализаторское предложение. На нём были поля для названия, описания, ожидаемого эффекта и авторов.

— Заполняешь от своего имени, — сказала она. — Ссылку на известный способ оставляешь. Новизна для фабрики — в конкретных раскладках, условиях применения и организации операции. Решать, достаточно ли этого, будет комиссия.

— Почему от моего? Вы дали доступ и время.

— Потому что идею применения и расчёты сделала ты. Моё дело — не украсть авторство и не подписать ерунду.

Марина взяла бланк. В прежней жизни она привыкла считать новизной новый алгоритм или оборудование. Здесь ценность могла состоять в том, чтобы достать известную схему с пыльной полки, проверить на реальном столе и честно описать, когда она не работает.

В графе «Название» Марина написала: «Адаптация многокомплектных раскладок для отдельных моделей Ярской швейной фабрики».

Ни слова об изобретении. Ни одной общей цифры на всю фабрику.

Теперь предложение можно было не защищать верой. Его можно было испытывать.

Глава седьмая. Четвёртый разряд

В пятницу Марина отнесла заявление секретарю технического совета и дождалась, пока на её копии поставят входящий номер.

Восемь страниц описания, четыре схемы, таблица условий и лист из технического кабинета с названием источника. Ни одной обещанной тысячи метров. В графе ожидаемого эффекта стояло: «Определяется по результатам опытного раскроя с учётом дополнительной сортировки деталей».

Секретарь перечитала эту строку.

— Обычно здесь пишут сумму.

— После опыта будет сумма.

— А без суммы директор рассматривать не любит.

— Тогда пусть сначала не любит, потом посмотрит.

Марина забрала копию и столкнулась в коридоре с Кожемякиным. Начальник снабжения держал папку под мышкой. Его взгляд остановился на входящем штампе.

— Рационализатор? — спросил он добродушно.

— Пока заявитель.

— Ткань экономить собираетесь?

— Проверять раскладки.

Он уступил ей дорогу. Вопрос был обычным, но Марина почувствовала желание прикрыть номер ладонью. Вместо этого она понесла копию открыто. Прятать зарегистрированную бумагу было поздно и бессмысленно.

Настоящее сопротивление ждало не в коридоре, а у раскройного стола.

Для учебного настила Марина взяла шесть слоёв дешёвой гладкой ткани и два смежных размера. По её схеме Вера должна была сразу после резки прикреплять к каждой пачке картонный талон, затем снимать детали по зонам: сначала все элементы сорок четвёртого, потом сорок шестого.

Первые крупные пачки разошлись без ошибки. На обтачках порядок сломался. Они лежали тесно, были почти одинаковыми и после ножа чуть сдвинулись. Вера подхватила две сразу, талон сорок шестого оказался под нижней пачкой, а верхняя ушла на тележку как сорок четвёртая.

— Стой, — сказала Марина.

Она успела вернуть детали до того, как тележка покинула цех, но Вера швырнула пачку на стол.

— А в смену ты возле каждой стоять будешь?

— Нет.

— Тогда в швейном поймают. Или не поймают и пришьют. Потом распорют за наш счёт.

Другие закройщицы собрались вокруг. Никто не спорил с тем, что на бумаге детали лежат плотнее. Они спорили с ценой этой плотности: лишние движения, новые ярлыки, вероятность пересортицы, задержка тележки. Марина сначала хотела объяснить, что семь минут сортировки дешевле нескольких метров ткани, но вовремя остановилась. Если ошибка попадёт на поток, сравнивать придётся не минуты с метрами, а переделку готовых изделий с сомнительной экономией.

— Этот порядок не годится, — сказала она.

Вера, готовая к защите, растерялась.

— И что теперь?

— Повторим иначе.

Марина сняла все талоны и разложила пачки обратно в контуры. Проблема возникала там, где детали разных размеров соприкасались и снимались одним движением. Она провела мелом границу по кальке и изменила очередность реза: сначала замкнутые группы одного размера, немедленная связка, потом соседняя группа. Мелкие парные детали каждого размера разместила не вперемешку, а отдельными «островами», потеряв несколько сантиметров длины раскладки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.